

Н.Д.Голев

Омофонический и омографический фонды современного русского языка.

Часть 4: Функциональный аспект¹

Омофония и омография обычно трактуются как явления, находящиеся на **периферии** письменной коммуникации и нередко препятствующие ее нормальному ходу. Они иллюстрируются ограниченным и, как правило, несистематизированным набором примеров, что создает впечатление о их случайном **генезисе**, относительно **ограниченном** объеме и нерегулярном функционировании.

Термины «омофон» и «омограф» в их традиционном понимании фиксируют самый **поверхностный** тип соотношений письменной и звуковой формы языковых (как правило, лексических) единиц, такое понимание не предполагает акцентуации их функционально-семантической стороны, исключая, может быть, каламбуры. Сужен и диапазон их вариативности в плане выражения. Традиционные дефиниции омофонов типа «*слова, которые одинаково звучат, но пишутся по-разному*» или омографов типа «*разные слова, совпадающие по написанию*» «уводят» от квалификации принципиально важных внутренних предикатов «одинаково», «разные» и т.п. Но именно они фиксируют эти единицы на шкале тождества/различия как по звуковой форме, так и по семантике (функции) и определяют и их объем, и возможности функционирования. Перевод омофонии и омографии в функциональную плоскость неизбежно актуализирует **содержательную сторону** названных предикатов, а ее подключение к понятиям омофонии и омографии существенно расширяет их объем, системные связи, актуализируемые смыслы и, соответственно, диапазон формальной вариативности. В этом случае в параметре объема омофонические и омографические отношения уже не могут быть ограничены уровнем лексических единиц, а в параметре системных отношений они неизбежно пересекутся с омонимией, полисемией, звуковым и графическим варьированием языковых единиц. И омофония, и омография обретают тем самым **статус явлений с широким (открытым) спектром функционирования**. Некоторые теоретические выходы такой их трактовки становятся

предметом дальнейшего рассмотрения в настоящей статье.

Несколько предварительных замечаний.

1. Акцент на функциональном плане омографии и омофонии актуализирует противопоставление потенциального и актуального их планов – та или иная единица в связи с последним может быть рассмотрена как носитель потенциала омонимического (омофонического или омографического) функционирования. Это позволяет говорить об особом типе функционирования языковых единиц, которое мы предлагаем назвать **амфиболическим**.

2. Перенос акцента на функционально-смысловую сторону в значительной мере деактуализирует оппозицию звуковой и письменной форм единицы, которые в этом случае совместно противопоставляются смысловой стороне; в данной ситуации омографы и омонимы функционально включаются в область омонимии, представляя там ее частный случай. Омографическая сущность таких омонимов проявляется, однако, в чтении, особенно в чтении вслух, когда читающий с помощью интонаций, пауз, произносительной тактики должен озвучить графическую запись омографических фраз, в этом случае звуковая сторона вступает в тесное единство со смысловой, и это единство образует функциональную оппозицию «немой» графике. Интонация, паузы и подобное выступают в этом случае как форма **интерпретации** читаемого речевого произведения, содержащего амфиболический потенциал функционирования, но разведенного интонационно акцентированным чтением. Например, оппозиция предложений типа *Я знаю, что он скажет / Я знаю, что он скажет* при учете логических ударений должна квалифицироваться как омографическая – единицы **по-разному звучат**, но одинаково пишутся. Это касается и квалификации как омографов в приведенных предложениях грамматических омонимов *что* (местоимение) и *что* (союз), которые различаются не только по смыслу, но и по просодическому звучанию. Такие моменты под лексикографическим

¹ Статья является продолжением цикла статей автора [1–3].

углом зрения на материале служебных слов анализируются в работе Ю.Д. Апресяна [4].

Напротив, пунктуация, различные параграфные средства и отчасти слитно-дефисно-раздельные написания выступают как форма интерпретации записываемого речевого произведения (текста речи²); с точки зрения пишущего здесь актуализируется омофоническая ситуация. Если же таковые средства не были употреблены (или их в арсенале графических средств оказалось недостаточным), для читающего возникает омографическая ситуация, в которой представлена та же оппозиция смысла/звучания (в единстве) немой «графике». Учет графических различий типа слитных / раздельных написаний, строчных/прописных букв (например, *вы / Вы, я – человек / я – Человек*), написаний в кавычках или без кавычек, графическая акцентуация звучаний и смысла (*бо-о-о-льшой*), орфографического варьирования существенно расширяет сферу омофонии. Заметим, что некоторые графические акцентуации переводят отношения омографии в отношения омофонии, например, выделение ударного слога (*большим/большим, горячее/горячее, звонок/звонок*). Напротив, при небрежном или неграмотном пунктуационном оформлении происходит переход (потенциальных) омофонов в (оказиональные) омографы, например, в предложении *Она полюбила Рудина* отсутствие кавычек создает ситуативный омограф – совпадение написаний имени героя и названия романа.

Таким образом, представленная оппозиция омофонии и омографии коррелирует с оппозицией ономаσιологического и семасиологического подходов к языковым единицам и их отношениям, за ней стоит противопоставление позиций говорящего и слушающего (в нашем случае также читающего и пишущего).

Говоря далее об амфиболическом функционировании омографов, мы будем рассматривать синтетический тип омографии, всякий раз имея в виду возможность трансформации омонимии в омографию. Омонимия при таком подходе выступает в роли потенциальной омографии, становящейся таковой в процессе чтения вслух.

Широкое (открытое) понимание омографии и омофонии в очерченном аспекте иллюстрирует шуточный диалог, который предполагает при рассказывании достаточно тонкую игру интонаций.

– А?

– А?

– -А?

– А-а-а. А.

Перевод на «общепринятый» язык таков.

– Скажите это трамвайное кольцо «А»?

– Простите, не расслышал – что Вы сказали?

– Я спрашиваю, это трамвайное кольцо «А»?

– Ах вот Вы о чем. Да, это трамвайное кольцо «А» [5, с. 10].

Возникает вопрос, имеем ли мы дело здесь с омонимией вообще и омографией или омофонией (в случае с А-а-а) в частности? Очевидно, что ответ на него зависит от того, как будет оценена просодика в процедуре отождествления и дифференциации – как признак, конституирующий омографию (звучат не одинаково) или нет, и в зависимости от понимания статусной широты этих явлений (например, первое и последнее А в приведенном диалоге представляют тождество только на лексическом уровне, при рассмотрении их на синтаксическом уровне трактовка будет явно другая – перед нами **разные** высказывания, которые звучат, значат и оформляются пунктуационно по-разному. Например, регулярный характер носит участие интонации – часто параллельной с пунктуацией – в коммуникативном членении высказывания. Отношения высказываний в этих случаях выступают по сути не как проявления асимметрии языкового знака (синтаксической омофонии), а как обычные для языка «симметричные» выражения разных смыслов разными формами (в данном случае как звуковыми, так и графическими). *Утомленные дорогой(,) путники остановились на привал.*

Рассмотрим проявления широкой трактовки омофонии и омографии в плане содержания. При квалификации смысловых различий принципиально важным является дифференциация уровней и планов семантики, которая на фоне современного разнообразия подходов к описанию семантики в лингвистике может быть весьма многоаспектной.

Ключевым и универсальным понятием для моделирования амфиболического функционирования языковых единиц является понятие **интерпретации** как основного способа семантизации произведений носителями языка (прежде всего слушающими или читающими).

² Считаю важным подчеркнуть: в письме фиксируется не речь (как часто говорят), а результат речи, каковым является речевое произведение.

Интерпретация по своей природе субъективна (в определенных языком границах). А.А. Потебня вслед за В. Гумбольдтом утверждал: «Говорить значит не передавать свою мысль другому, а возбуждать в другом его собственные мысли» [6, с. 54]. Ср. также: «Диалектика понимания-непонимания В. Гумбольдта и А.А. Потебни проявляется в том, что объем и качество знания, передаваемого Говорящим и воспринимаемого Слушающим, не может быть ни идентичным, ни совершенно различным, — оно вариативно, многомерно, не поддается описанию в полной мере» [7, с. 27]. Все это уже изначально предполагает, с одной стороны, возможность «конфликта» между имманентным содержанием речевого произведения, заключенным в системных значениях языковых единиц и системных правилах их семантизации, и его субъективными интерпретациями. В парадигме такой семантизации смысл речевого произведения, подразумеваемый его автором, может рассматриваться как частный случай (один из возможных случаев) его интерпретации. Это предполагает возможность интерпретационного конфликта автора и адресата (если продолжить мысль из приведенной выше цитаты А.А. Потебни, то этот конфликт можно определить через оппозицию «возбуждаемого» и «возбужденного» содержания). Главный источник конфликта — возможность разной интерпретации **исходной пресуппозиции** (коммуникативного намерения). Без «реконструкции» (подразумевания) пресуппозиции полноценная интерпретация любого высказывания в естественных коммуникативных ситуациях вряд ли возможна.

С другой стороны, именно субъективная природа понимания детерминирует необходимую креативность интерпретации, в которую «вкладывается» принципиальная возможность преодоления «конфликта» и достижения уров-

ня необходимого и достаточного взаимопонимания. Механизмы преодоления сложны и строятся на принципе сужаемой вероятности. Сужение обеспечивает своеобразное коммуникативное согласование семантики с прагматикой: семантики речевого произведения с различного рода прагматическим содержанием, например, оценкой коммуникативной ситуации и знанием некоего набора «намерений» (который, возможно, в свою очередь, сужается «интенциональным образом» автора) или с фоновыми знаниями, ассоциируемыми с денотатами компонентов высказывания и т.п.

Упрощенную схему такого механизма показывает популярная в некоторых компаниях игра, в которой участники сначала вытаскивают «наугад» один из набора предлагаемых вопросов³, а затем, также «наугад», один из набора предлагаемых ответов⁴. Случайное соединение вопроса и ответа составляет в большинстве случаев в разной степени осмысленный для всей компании диалог. Веер интерпретаций вопроса (например, *Вы любите целоваться?*) и веер интерпретаций каждого из ответов (например, *Для меня это мелкие масштабы. Нет, это так пошло. Да, только после этого я долго ищу детали своего туалета. Да, это мое нормальное состояние...*) находят точки коммуникативного согласования, в результате чего образуется связный (вопросно-ответный) коммуникативный фрагмент, отражающий предполагаемую целостную коммуникативную ситуацию с ее схемой и ее элементами (фациентами, пресуппозициями, фреймами) и возможным денотативным и ментальным наполнением⁵. Не исключено, что это соединение вопроса и ответа также требует дополнительной интерпретационной обработки.

Пример показывает основные источники, формирующие потенциал амфиболического функционирования высказывания. Это, с од-

³ Ср., например, фрагмент из набора вопросов: Любите ли вы целоваться? Вы скучаете без своего босса? Вы без ума от меня, не правда ли? Вам хотелось бы пожить в гареме? Вы часто заводите романы? Носите ли вы рваные колготки? Вам хотелось бы попасть на необитаемый остров? Вы сомневаетесь в моих способностях? Вы всегда так много едите? Это правда, что вы работаете на ФСБ?

⁴ Ср. фрагмент из набора ответов: Для меня это мелкие масштабы. Нет, это так пошло. Да, это мое нормальное состояние. Ну что вы, у меня нет такого достоинства! В мои годы это просто необходимо. Нет, однажды я попробовал (а), но ничего не получилось. Да, но это мой единственный недостаток. Да, и в доказательство могу предоставить справку. Да, но... это мой маленький секрет. Да, часто и много. Я этим только и живу. Конечно, а разве незаметно? Всегда, когда выпью. Да, только в темноте. Да, это мне доктор прописал.

⁵ Таким образом воспринимаемые фразы в результате коммуникативной интерпретации преобразуются в высказывания как конкретно-речевые произведения.

ной стороны, **недостаток эксплицитности**: во-первых, собственно языковой (все предложения, используемые в игре, в той или иной мере, в том или ином плане неполные⁶), во-вторых, если встать на позицию читателя, – графической: очевидно, что система пунктуации, даже в сочетании с параграфемикой, не может обеспечить однозначной интерпретации – их возможности ограничены; с другой стороны, **«переизбыток» имплицитного содержания**: собственно языковое содержание само по себе лишь языковой (условно-семиотический) эквивалент внеязыкового содержания в его денотативном или ментальном существовании, которое по природе богаче языкового.

Возможность коммуникативного конфликта описанного характера увеличивается в связи с интерпретацией **имплицитного** содержания разных видов⁷, тогда как эксплицитность содержания является фактором ограничения вариативности его интерпретации. Эксплицитность – это ономаσιологический признак **системно-языкового** статуса содержания (см., например: [8, с. 57] и далее). С семасиологической точки зрения системно-языковой статус содержания означает его узуальную «прикрепленность» к определенной единице (конструкции, правилу), в том числе в виде его частных, вторичных, вариантных значений и смыслов.

Далее проиллюстрируем амфиболическое функционирование речевых произведений с имплицитным содержанием и попытаемся в связи с этим очертить некоторые выходы в функциональную **типологию** омографии, включенной, как было отмечено выше, в общую сферу синтаксической или шире – контекстуальной – омонимии.

Исходная база типологии в настоящей статье – известная семиотическая оппозиция прагматики и семантики. Прагматические импликации связаны прежде всего с интенциональным содержанием: речевое произведение дает возможность воспринимающему предполагать разные пресуппозиции, для реализации которых оно создано автором, а семантические – с подразумеваемыми фоновы-

ми знаниями реципиента, непосредственно не выраженными (например, воспринимающий предложение *Качаются ветви* может предполагать, что дует ветер; пример из [9, с. 15]). Оба вида импликаций в каждом конкретном случае пересекаются, образуя своеобразные типы амфиболических структур и их реализаций.

Аксиологические варианты интерпретации пресуппозиций

«В этой диссертации есть что защищать» – интенция рецензента не проявлена, и фраза ставит перед адресатом интерпретационную дилемму: толковать ли ее со знаком плюс (много достоинств, которые с успехом можно представить на защите) или с ироническим знаком минус (много поводов для замечаний, от которых нужно будет «защищаться»). Семасиологическая ремарка: у глагола *защищать* при разных интенциях актуализируются разные смыслы: основной (первичный) и терминологический.

Аксиологические варианты интерпретации психологических мотивов речи

Конфликт в сфере оценок глубинной мотивации речи иллюстрируют «трактовки», которые дают разные головы змея Горыныча нервным репликам Ивана-дурака из сказки В.М. Шукшина «До третьих петухов»: – *Я сейчас такой лангет покажу – взорвался от страха Иван. /.../ – Он просто расхамился, – опять сказала первая голова. – Нервничает, – заметила вторая. – Боится.*

Нетрудно представить такой конфликт в одной голове реципиента, делающего выбор интерпретаций.

Разная коммуникативная акцентуация пресуппозиций

– *Я отучила мужа приходить не вовремя. – Как? – Когда он заходит с улицы в коридор, я спрашиваю: «Это ты, Вася?» – А он? – А он – Коля.*

Неполное вопросительное предложение «а он?» в интенциональном плане по-разному интерпретируется его продуцентом и реципиентом в силу того, что они исходят из разных суппозиций предшествующего предложе-

⁶ К тому же они семантически и прагматически «подогнаны» друг к другу: вопросы называют конкретные действия и желания, они несколько «эпатажны», провокационны и уже априори содержат некую двусмысленность; ответы же включают предикаты абстрактной и неопределенной семантики, которые могут быть применены к различным ситуациям либо называют состояния и «положения дел» как результаты предыдущих действий, а также оценки общего характера и тем самым «продлевают» (в коммуникативном плане) эпатажно-интимную сему вопроса.

⁷ Имплицитное содержание представлено в языке разнообразными типами (см., например: [9, с. 14-17; 10, с. 47-48, 86-87]).

ния – предикативной (*а он* – что делает?) или номинативной (*а он* – как именуется?).

Разные синтаксические отношения между компонентами речевого произведения

– *Я не позволяю себе молчать лишь для того, чтобы сохранить чувство собственного достоинства* (Из газетного интервью). Придаточное может быть отнесено интерпретатором либо непосредственно к *молчать*, либо к *я не позволяю* (*молчать*).

Разные смысловые отношения между компонентами речевого произведения

Красавица и чудовище – краткое, но емкое описание моей жены. В этой шутке союз *и* соединяет два означаемых, связь которых может быть интерпретирована как контрарная (в исходном названии сказки) и комплементарная (во вторичной фразе-каламбуре). При этом у означаемых в этих интерпретациях разный статус: в первом случае за словами *красавица* и *чудовище* стоят сами денотаты, во втором – свойства (но уже другого, «наведенного», денотата – жены), соответственно актуализируются разные смыслы этих слов – идентифицирующий и предикатный (характеризующий).

Я вижу высокие деревья и дома. Определенные *высокие* может быть отнесено интерпретатором только к *деревья* или также и к *дома*. *Я люблю птиц, прыгающих и поющих*. Обособленное определение может быть интерпретировано либо как определение, относящееся ко всем птицам, либо как определение, отделяющее «любимых» автором фразы птиц от других, «нелюбимых» птиц. Любопытно отметить, что замена причастного оборота на адъективный преобразует омограф в омофон, так как «отделяющий» смысл не предполагает пунктуационного обособления (*Я люблю птиц звонких и веселых*); очевидны и различия интонационного оформления смыслов. *Гремят ведра, звучат сердитые голоса* (, – :) *санитарки моют пол* – разная пунктуация оформляет разные семантико-синтаксические отношения.

Разные пресуппозиции, вытекающие из ближайшей или дальнейшей перспективы развития коммуникативной ситуации

Звонят: У вас чернила есть? – Нет! – Через пять минут снова звонят: У вас не было чернил – мы принесли. Ночью нам стучат в дверь: Вам дрова нужны? – Раздраженно отвечаем: Нет, не нужны! Утром просыпаемся –

дров нет. Интенциональная интерпретация⁸ данных примеров может быть такова: автор вопроса имеет в виду дальнейшую перспективу развития коммуникативной ситуации (ср.: [7, с. 169–171]), точно так же, как, желая кому-либо подарить на день рождения часы, мы задаем вопрос: «*У тебя (него) часы есть?*»). Отвечающий же предполагает наличие лишь ближайшей перспективы, заключенной в непосредственно выраженных смыслах фразы-вопроса. С семасиологической точки зрения в данных интерпретациях различается смысл предиката *нужны?* (*испытываете ли нужду из-за отсутствия?* или *испытываете ли потребность использования?* Ср. *у меня ручка есть, но она мне нужна*).

Разная акцентуация актуального и буквального смыслов языковой единицы

Одна из самых распространенных каламбурных фигур. Ср.:

Какие у нее красивые ноги – одна красивее другой; Пессимист: Ситуация – хуже не бывает. Оптимист: Нет, бывает, нет, бывает! Во фразах представлены идиоматические обороты *одна красивее другой, хуже не бывает*, на которые «наведен» смысл свободных словосочетаний.

Акцентуация конкретного (ситуативного) и абстрактного (надситуативного) смыслов языковой единицы

Шестилетний сын наблюдает, как папа взбирается по стремянке, чтобы покрасить окно. Мама говорит:

– *Вырастешь, будешь папе помогать.*

– *А разве он не закончит к тому времени?*

Актуализация разных сторон одного денотата (события) или разных денотатов

– *Как закончил учебный год? – С одной четверкой!* – *О-о-о!* – *Да, но остальные тройки.*

Помимо очевидных различий видения одного события, поставленного в разные парадигмы (см. предыдущий вариант), в создании игрового эффекта участвует и социальная значимость коммуникативного фрагмента, обозначенного фразой⁹ с *одной четверкой*: ситуация «одна четверка в ряду троек» не актуальна в нашей жизни, тогда как «одна четверка в ряду пятерок» весьма значима (медаль, поступление в вуз и т.п.); разумеется, значим и психологический фон (с одной четверкой – в сущности, такой же отличник, медалист...). К этому

⁸ Эти примеры были уже использованы нами в [3], где представлена интерпретация в других аспектах.

⁹ Такую фразу с коммуникативной точки зрения можно оценить как своеобразный фразеологизованный оборот прецедентного типа, воспроизводимый в речи как готовая единица.

же типу (с большей акцентуацией денотативных различий в примере: **У вас есть жалобы на уши и нос?** – Да. Они мешают мне надевать свитер.

Еще раз подчеркнем: представленный список функциональных типов омографии (и отчасти омофонии) иллюстративный; он не претендует на полноту и классификационную завершенность.

Литература

1. Голев Н.Д. Омофонический и омографический фонды современного русского языка. Ч. 1: Общие вопросы. Лексические омофоны и омографы // Известия Алтайского государственного университета. 1999. №4.
2. Голев Н.Д. Омофонический и омографический фонды современного русского языка. Ч. 2: Синтагмовые омофоны // Известия Алтайского государственного университета. 2000. №4.
3. Голев Н.Д. Омофонический и омографический фонды современного русского языка. Ч. 3: Синтаксические омофоны и омографы // Известия Алтайского государственного университета. 2001. №4.
4. Апресян Ю.Д. Типы лексикографической информации об означаемом лексемы // Ю.Д. Апресян Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
5. Анекдоты наших читателей. Библиотека «Студенческого меридиана». Вып. 9. М., 1995.
6. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
7. Лебедева Н.Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов). Томск, 1999.
8. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
9. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
10. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.